

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ РЕЦИПИЕНТООРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА К ПЕРЕВОДУ

С. В. Сахневич

*Институт деловой карьеры,
ул. Нижегородская, д. 32, стр. 4, 109029, Москва, Россия crash68@yandex.ru*

Переводческая деятельность неотделима от коммерции, где ключевым становится удовлетворение разнообразных потребностей клиентов, а работа со словом требует тонкости и адаптации. Современный переводческий мир сталкивается с глобальными вызовами, включая упадок взгляда на перевод как искусство, фрагментацию субкультур и политические разногласия, что подчеркивает необходимость эвристического подхода для эффективного решения проблем. Скобос-теория и культуроориентированный перевод акцентируют реципиентоориентированность, однако, литература недостаточно исследует влияние эвристики на научное понимание перевода. В прошлом веке перевод часто воспринимался как искусство, но сейчас, в условиях ограниченного времени, эвристические подходы становятся критически важными. Анализ целевой аудитории необходим для выбора оптимальной стратегии, при этом особенно актуально это становится при переводе детской литературы, где сложная лексика и ассоциации должны уступать место доступности. Современное гуманное отношение к детям требует от переводчиков особой внимательности при адаптации текстов. Внедрение эвристических подходов значительно повышает эффективность перевода, особенно при адаптации для детской аудитории. Современный перевод требует сочетания традиционных методов и инновационных стратегий, учитывающих потребности и контекст целевой аудитории.

Ключевые слова: верующие реципиенты; неграмотные реципиенты; перевод как искусство; потребности детей; реципиентоориентированный перевод; спрос на новые сервисы в области межъязыковых коммуникаций; фактор политической борьбы; фрагментарность субкультурного ландшафта планеты; эвристическая функция реципиентоориентированного перевода.

THE HEURISTIC FUNCTION OF THE TAILOR-MADE TRANSLATION APPROACH

S. V. Sakhnevich

*Institute of Business Career,
32 Nizhegorodskaya Street, building 4, Moscow 109029, Russia crash68@yandex.ru*

Translation is inseparable from commerce, where meeting the diverse needs of customers is key, and working with words requires subtlety and adaptation. The modern translation world is facing global challenges, including the decline of the view of translation as an art, fragmentation of subcultures and political differences, which highlights the need for a heuristic approach to effectively solve problems. Skopos theory and culture-oriented translation emphasize recipient orientation, however, the literature does not sufficiently investigate the influence of heuristics on the scientific understanding of translation. In the last century, translation was often perceived as

an art, but now, in a time-limited environment, heuristic approaches are becoming critically important. An analysis of the target audience is necessary to choose the optimal strategy, and this becomes especially important when translating children's literature, where complex vocabulary and associations must give way to accessibility. Modern humane treatment of children requires special care from translators when adapting texts. The implementation of heuristic approaches significantly enhances translation effectiveness, particularly in adapting content for a young audience. Modern translation requires a combination of traditional methods and innovative strategies that take into account the needs and context of the target audience.

Keywords: demand for new services in the field of cross-language communications; factor of political struggle; fragmented subcultural landscape of the planet; heuristic function of recipient-oriented translation; illiterate recipients; needs of children; recipient-oriented translation; religious recipients; translation as art.

Перед переводческим миром в эру маркетинговой компании стоят глобальные вызовы, связанные с причинами несовпадения ноэзиса переводчика и ноэзиса реципиента перевода, и поэтому мешающими осуществить правильный перевод – правильный для его реципиента. Эти причины представлены тем, что многие переводчики игнорируют: те факты, что сейчас перевод далеко не всегда является искусством; потребности детей, неграмотных, верующих; лавинообразный спрос на новые сервисы в области межъязыковых коммуникаций, которые сопровождают перевод; фрагментарность субкультурного ландшафта планеты; и фактор политической борьбы. Эвристическая функция предлагает возможности для оптимизации диалогового взаимодействия переводчика и реципиента перевода.

Проблематика взаимодействия знания и принятия быстрых и эффективных решений в сложных ситуациях, больше известная под термином «эвристика», уже давно завоевала себе место в ряду основных философских трудностей. Перевод, широко используемый в различных областях, тоже нуждается в данном инструментарии, потому что темп общественных перемен настолько стремителен, что тот онтогенез реципиентоориентированного перевода, который изначально явился в качестве «сокрытых» и потому неприметных нужд реципиентов перевода, далее рос по экспоненте, потому что получил задел от общеисторических и общепереводческих событий, затем они начали сами задавать вектор развития всему переводу, пока, наконец, не стали определяющими и доминирующими [1, р. 202].

Конкретный вопрос эвристической функции реципиентоориентированного перевода в общем процессе научного познания был освещен в скопос-теории К. Райс и Г. Вермеера, в теории культуроориентированного перевода С. Басснэтт-Макгайр, в концепция двух переводов В. Г. Белинского, в теории культурного трансфера М. Снелл-Хорнби, в иллюзионистской и антииллюзионистской теориях И. Левого, в теории перевода как ниспровержения переводчика Р. Лоуэлла, в адаптивной концепции перевода А. Кунанбаева, в теории тотального перевода П. Торопа, в теории динамической эквивалентности Ю. Найды и многих других теориях. Однако изучению влияния эвристического подхода на развитие науки перевода в современной научной литературе уделяется сравнительно немного внимания. В работе И. Левого, где содержится много интересных замечаний о

влиянии реципиентоориентированного перевода на становление научного общения, этот вопрос рассматривается с общефилологических позиций и реципиентоориентированный перевод как таковой не выделяется. В ряде работ указываются такие основные эвристические функции реципиентоориентированного перевода, как передача информации, расширение знаний, поддержка коммуникации, содействие образованию, посредничество в культурном обмене, без углубленного рассмотрения этого вопроса. В работе М. Карапаева рассматривается в основном влияние определенного сегмента на реципиентоориентированный перевод [2, с. 230]. И только в трех работах встречается упоминание об эвристической функции реципиентоориентированного перевода, способ перевода, который учитывает потребности и сообщение, которое реципиент хочет передать, принимая во внимание специфику языка и культуры получателя [3, с. 124]. В философской литературе эвристическая роль реципиентоориентированного перевода практически не исследовалась, лишь ряде работ он рассматривается, как выполняемая им гносеологическая функция [4, с. 53]. Рассмотрим, как именно это может произойти и почему упомянутые выше глобальные вызовы являются негативными.

Перевод и искусство. Прошлое столетие, предшествующее настоящему, отличалось доминированием взгляда на перевод как на искусство, когда переводчики, в основном, были любителями, занимающимися переводом в свободное время, в основном литературных текстов, таких как произведения классицистической эпохи, латинские и греческие тексты. Поэтому типично описание процесса перевода современником того времени, шотландским пэром, лордом Вудхаусли (1747–1814): *A delightful host, with whom it was a memorable experience to spend an evening discussing the Don Quixote of Motteux and of Smollett, or how to capture the aroma of Virgil in an English medium.* Восхитительный хозяин, с которым было незабываемо провести вечер, обсуждая «Дон Кихота» в переводе Мотте и Смоллетта, или как уловить неповторимость Вергилия на английском языке [5, р. 79].

В период царствования Екатерины II этим, в качестве хобби, занимались писатели Богданович, Княжнин, Сумароков, Фонвизин и Херасков, переводя работы Дидро, Руссо, Вольтера, Мабли, Гельвеция и Рейналя, таким образом, донося до них близкую им точку зрения. Перевод, согласно мнению В. К. Тредиаковского, И. С. Тургенева, В. Г. Белинского, В. В. Набокова, К. И. Чуковского, В. С. Виноградова и других, является искусством или, по крайней мере, частично искусством. Однако, некоторые также рассматривают перевод и как науку и как искусство. Согласно Мунену, чтобы перевод мог считаться наукой, один из вариантов перевода должен быть явно лучше другого. Сторонники перевода как искусства поддерживают такую точку зрения: «А между тем перевод – это искусство. Не каждый рыбак может быть ихтиологом, не всякий, кто знает язык может быть переводчиком» [6].

Переводчик может увлечься стилизацией или адаптацией, отдаляясь от авторской идеи. Переводчик может вносить в текст субъективные элементы, свои мысли и эмоции, что размывает авторский голос и мешает адекватному восприятию текста реципиентом. Стремление к творческой интерпретации может привести к неуместным или неверным интерпре-

тациям, которые искажают изначальный замысел автора, поэтому в театре переводчики тоже работают на реципиента. Примерами таких произведений могут служить «Фауст», «Будденброки» или «Мертвые души» [7, р. 47]. Однако, когда театральный зритель стремится, чтобы реальные события основывались на вымышленной истории, переводчик прибегает к антииллюзионистскому методу перевода. С использованием этого подхода создается переведенная история, которая напоминает выдумку и акцентирует внимание реципиента на том, что он сталкивается с подобием действительности [8, р. 15]. В некоторых случаях переводчик может обратиться к реципиенту перевода и договориться с ним о судьбе перевода, опросив реципиента перевода о его философском кредо и комментируя оригинал с использованием намеков, ориентированных на реципиента [9, р. 43–46]. Некоторые театральные тексты имеют специфическое назначение – они предназначены для актеров-получателей перевода. Это означает, что представители разных национальностей могут играть одну и ту же роль. Согласно И. Левому, британский актер вносит собственные изменения в текст роли, обогащая его своей игрой. Немецкий актер, напротив, остается более дисциплинированным, придерживаясь оригинального текста и исполняя его без изменений. Итальянский актер же использует текст в качестве инструмента для импровизации, дополняя его и внося собственные изменения [10, с. 449]. Исходя из этого, переводчик, работающий над переводом для британского или итальянского актера, передает основные моменты и сохраняет суть персонажа, оставляя возможность актеру вносить собственные изменения в текст и вносить свой вклад в интерпретацию роли.

К тому же переводчик рассчитывает на наличие постоянных клиентов, обеспечивающих ему постоянный объем работы [11, р. 2]. В этом контексте перевод представляет собой коммерческую деятельность, неотличимую от любого другого бизнеса [12, р. 4] и возникает вопрос о соответствии этих услуг потребностям и ожиданиям реципиента, поскольку от этого зависит не только выживание переводчика, но и его возможное процветание [13, с. 2]. Всестороннее удовлетворение разнообразных потребностей – одна из ключевых задач, с которыми сталкивается переводчик. В этом аспекте переводческая деятельность сопоставима с любой другой сферой деятельности, требующей многогранного подхода [12, р. 9].

Работа над словом – это технология профессии, тонкость и точность – пишешь ли ты стихи и прозу на своем родном языке или переводишь чужие стихи и прозу, делая их достоянием твоей родной литературы [14], и вполне возможно научиться профессии переводчика и подойти достаточно близко к действительно высокому мастерству и рассматривать перевод не как искусство, а как «...кормление от толмачного дела» [15]. Другими словами, способность переводить интеллектуальную интуицию в термины воображения и мифа доступна простому смертному [16, с. 58].

Нужно понимать своего реципиента, иначе, может иметь место следующая ситуация. Сотрудничество между переводчиком Норманом Томасом ди Джованни и аргентинским писателем Хорхе Луисом Борхесом, оказалось успешным. Однако ди Джованни, стремясь сделать произведения Борхеса доступными широкому кругу американских читателей, про-

извел реципиентоориентированный перевод, внося радикальные адаптации в стилистические особенности оригинальных произведений Борхеса с целью соответствия американскому вкусу и стилистике. Это позволило достичь широкого успеха в распространении произведений Борхеса в Америке. Однако следует отметить, что такой подход вызвал некоторое недовольство со стороны самого Борхеса, что привело к прекращению их сотрудничества после четырех лет совместной работы [17, р. 115].

Перевод и дети. От века к веку, отношение к детям становилось все более и более гуманным [18, с. 174]. Однако мы встречаем тексты, перегруженные ассоциациями и слишком сложными темами, образами, эпитетами и сравнениями. Например, перевод И. Мазнина детского стихотворения Веры Вербы «Чапаев» с белорусского на русский язык является плохим примером такой адаптации:

«В бой ведет чапаевцев
Славный командир,
За идеи Ленина,
За свободный мир!»

Несмотря на то, что перевод с литературной точки зрения является адекватным, не каждый современный маленький читатель сможет полностью понять фразу «За идеи Ленина». Важно учесть, что дети из современного поколения могут не быть знакомы с историческими событиями или политическими личностями. Поэтому, при переводе, стоит принять во внимание специфику аудитории и использовать более понятную и современную лексику, чтобы обеспечить полное понимание текста. Или же, можно ли ожидать, что ребенок сможет полностью понять и закрепить в сознании следующий образ? «Высоко в зените апрельские трубы звенят, не смолкая!». Данный образ имеет место в переводе поэмы Кастуся Киреенки «Пролеска», который осуществил Д. Осин. Полный и реалистический перевод «Гаргантюа и Пантагрюэля» нерелевантен для детей среднего школьного возраста. Для этого сегмента, произведения для взрослых должны быть переведены с адаптацией [19]. Поэтому издательства «Детгиз», «Художественная литература» и «Наука», работающие в основном с реципиентами-детьми, предъявляют к переводу поэзии вполне определенные требования [20, с. 377].

Перевод и религия. Игнорирование потребностей религиозного населения как отдельного сегмента реципиентов перевода может рассматриваться как негативная сторона, так как это может привести к непониманию, утрате значения содержания или даже возможным оскорблением в адрес данной аудитории. Религиозные тексты, термины, обряды и символы могут иметь для верующих людей глубокое духовное значение, и неудачная адаптация или непонимание этих аспектов в переводе может привести к искажению смысла и негативным реакциям. Например, переводчик перевел фразу из светличных молитв: «Вечерни приведи нас ко пристанищу хотения Твоего» при помощи шаблона «Приведи нас в тихую Твою гавань», возник комический эффект из-за ассоциации с известным выражением «в нашу гавань заходили корабли». К тому же, реципиенты перевода, группа верующих, выразили мнение, что само слово «гавань» кажется им не совсем русским [21, с. 273]. Мартин Бубер и Франц Розен-

цвейг обращались к верующим как основному сегменту реципиентов перевода. Их работы были направлены на обращение к людям, имеющим веру и религиозные убеждения, с целью вдохновить их на более глубокое понимание своих верований и духовных ценностей [22, р. 310–311]. Розенцвейг подчеркивал необходимость приближения текста к читателю, а не наоборот, что отражает принципы реципиент-ориентированного подхода и признания важности интерсубъективного понимания между переводчиком, текстом и читателем. Примером, иллюстрирующим влияние культурных и религиозных факторов в переводческой деятельности служит использование латинского текста Вульгаты, выполненного Симеоном Полоцким — авторитетом своего времени в Москве — при переводе Библии «с греческих книг на славянский язык». Недостаточное понимание потребностей Русской Православной Церкви в данном случае привело к ориентации переводчиков на иноязычный источник, что обусловило игнорирование важности сохранения преемственности с греческим православием. Такой подход вызвал негативную реакцию в русских церковных кругах, которые восприняли его как угрозу своим духовным убеждениям и преданности греческому православию. В результате иноязычные интерпретации вызвали смущение и оскорблении национальной и религиозной идентичности, что спровоцировало активную защиту традиционных ценностей и укрепление церковной самобытности среди православных верующих [23].

Перевод и социолектальный сдвиг. Что касается социолектального сдвига в области перевода, он произошел приблизительно в конце 1980-х гг. Тогда случилось значительное изменение в спросе на услуги переводческих бюро. Реципиенты переводов стали требовать новые сервисы в области межъязыковых коммуникаций. Например, они нуждались в подготовке документации, связанной с переводом, таких как нотариальное подтверждение международных сделок. В результате, переводчиков перестали рассматривать как просто посредников между языками, а начали ставить нужды и предпочтения клиентов в центр их работы [24, с. 38–39]. Деятельность переводчика становится все более похожей на процесс продукции товаров, а само переводческое дело переименовывается в языковой менеджмент [25, с. 57].

В рамках данного подхода индивиды, выступающие в роли получателей перевода, проживающие в провинции Стирия, Австрия, получили возможность использования различных стилистических подходов к переводу текстов. Одно из таких переводческих агентств *Capito* предоставило возможность перевода с использованием сложного литературного немецкого языка на неформальный немецкий. Таким образом, агентство осуществляет не только переводы с одного языка на другой, но также предлагает услуги общей коммуникации, включая внутреннюю адаптацию текстов с юридического немецкого языка на более понятный язык [26, р. 13–14].

Перевод и субкультура. Эвристическая функция реципиентоориентированного перевода помогает противостоять концепции неспособности переводчиков идти навстречу различным культурным движений. Эти движения, в свою очередь, делятся на самые различные субкультурные сегменты, которые будут требовать свой переводящий текст, хотя исход-

ным может один и тот же. Под сегментом понимается однородная группа людей с однородными манерами поведения, однородными ценностями и стилем и однородным языком. Сегменты носить такие названия, как «городские племена», «неформалы», «клубы», «тусовка» и многие другие. Сегмент готов требует переводов, в которых присутствуют жаргонизмы, обозначающие тревогу, ужас, бедствия, черную магию, пессимистичные настроения, опасность, культивирование и эстетизация ужаса [27; 4, с. 78]. Переводчик может создавать новые эквиваленты для выражения понятий и реалий, которые не имеют прямых аналогов в целевом языке, что обогащает межкультурный диалог. Такой подход может подсказать переводчику перевод с современным жаргоном: «обалденный», «бабки», «предки» и другие слова из разных пластов, временных и стилевых. Даже Пушкин не боялся оскорбить грубоватой хандрой нежные уши читательниц, так нам и вовсе странно этого бояться, аргументируют свой подход сторонники перевода как искусства [28, с. 372].

Результаты исследования демонстрируют, что внедрение эвристических подходов в переводческую деятельность существенно повышает эффективность работы с текстами различной направленности, особенно при адаптации материалов для детской аудитории, где критически важны доступность и корректность передачи смыслов. Вывод заключается в том, что современный переводческий процесс требует комплексного подхода, сочетающего традиционные методы работы с текстом и инновационные эвристические стратегии, ориентированные на потребности целевой аудитории и учитывающие социокультурный контекст восприятия перевода.

Библиографический список

1. Morris, M. An Introduction to the Philosophy of Language / M. Morris. – New York : Cambridge University Press, 2007. – 334 p.
2. Карапаев, М. Слово о Мухтаре Ауэзове / М. Карапаев // Мастерство перевода. Сб. 2: 1962. – М.: Сов. писатель, 1963. – С. 227–237.
3. Валеев, Р. М. Международная защита прав человека на свободу совести и религии / Р. М. Валеев // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2012. – № 2 (76). – С. 122–126.
4. Хайдеггер, М. Гераклит / М. Хайдеггер, Е. Финк ; пер. с нем. А. П. Шурбеля. – СПб : Владимир Даль, 2010. – 384 с.
5. Winny J. Elizabethan Prose Translation / J. Winny. – Cambridge : Cambridge University Press, 1960. – 151 p.
6. Шор, В. Е. Редактор и перевод / В. Е. Шор // Обозрение: сб. ст. – М., 1965. – С. 5–16, 19–22.
7. Derrida, J. The Ear of the Other: Otobiography, Transference, Translation / J. Derrida // New York : Schocken Books, 1988. – 190 p.
8. Tebble, H. Medical Interpreting: Improving Communication with Your Patients / H. Tebble / Deakin : Australian National Languages and Literacy Institute, 1998. – 67 p.
9. Grondin, J. Gadamer's Basic Understanding of Understanding. / J. Grondin // The Cambridge Companion to Gadamer. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – P. 36–51.
10. Левый, И. Творческое воспроизведение / И. Левый // Две главы из книги «Искусство перевода» // Мастерство перевода: сб. ст. – М., 1968. – С. 440–469.
11. Partridge, A. C. Tudor to Augustan English: a Study in Syntax and Style from Caxton to Johnson / A. C. Partridge. – London : Evans, 1969. – 242 p.

12. Beagrande, R. de. Factors in a Theory of Poetic Translating / R. de Beagrande / Assen : van Gorcuen, 1978. – 186 p.
13. Александрова, Е. В. Анализ рынка переводческих услуг в современной ситуации на территории Российской Федерации / Е. В. Александрова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 6 (132). – URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.132.137> (дата обращения: 05.05.02025).
14. Вебер, В. Переводчик обязан быть начитанным : интервью газете «Книжное обозрение» 1 нояб. 2004 г. // Editorium.ru. – URL: <https://editorium.ru/1568/> (дата обращения: 09.06.2017).
15. Катаева Тамара: Другой Пастернак - Личная жизнь. Темы и вариации. Позиционная война // Борис Леонидович Пастернак. – URL: <https://pasternak.niv.ru/pasternak/bio/kataeva-drugoj-pasternak/pozicionnaya-vojna.htm> (дата обращения: 25.05.2025).
16. Койре, А. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / А. Койре. – М. : Прогресс, 1985. – 286 с.
17. Turk, H. Translation for Theater and for Literature / H. Turk // Литература и перевод: проблемы теории : международная встреча ученых и писателей, 27 февр.- 1 марта 1991 г. – М. : Прогресс, 1992. – С. 114–117.
18. ДеМоз, Л. Психоистория / Л. ДеМоз. – Ростов н/Д : Феникс, 2000. – 512 с.
19. Коптилов В. В. И вширь, и вглубь... / В. В. Коптилов // Мастерство перевода : сб. 9. – М. : Сов. писатель, 1973. – С. 257–261.
20. Паймен, А. Как я переводила Тургенева на английский / А. Паймен // Мастерство перевода : сб. 4. – М. : Сов. писатель, 1964. – С. 377–394.
21. Сахневич, С. В. Тезис Ж. Дерриды о неконтролируемости значения знака как основание для клиентоориентированного перевода / С. В. Сахневич // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2014. – № 4. – С. 271–275.
22. St. Jerome. On the Best Method of Traslating // Translation – Theory and Practice: a Historical Reader / ed. by D. Weissbort, A. Eysteinsson. – New York : Oxford University Press, 2006. – URL: [https://www.academia.edu/40235884/Daniel_Weissbort_Astradur_Eysteinsson_Translation_Theory_and_Practice_A_Historical_Reader_2006_\(date_of_access_01.06.2025\)](https://www.academia.edu/40235884/Daniel_Weissbort_Astradur_Eysteinsson_Translation_Theory_and_Practice_A_Historical_Reader_2006_(date_of_access_01.06.2025)).
23. Славинецкий, Е. Московская духовная академия и Русский раскол / Е. Славинецкий // Стихи.ру. – 10.01.2012. – URL: <https://stihi.ru/diary/ya32541m/2012-01-10?ysclid=mc40gr9x33374218367> (дата обращения: 26.10.2023).
24. Сахневич, С. В. Клиентоориентированный перевод / С. В. Сахневич. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 213 с.
25. Климзо, Б. Н. Ремесло технического переводчика: об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы / Б. Н. Климзо, Б. Н. Климзо. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Р. Валент, 2011. – 487 с.
26. Schmid, B. A. Bucket or a Searchlight. Approach to Defining Translation? Fringe Phenomena and Their Implications for the Object of Study / B. A. Schmid // KU Leuven. – URL: <https://www.arts.kuleuven.be/cetra/old-website/papers/files/schmid.pdf> (date of access: 01.06.2025).
27. Питанов, В. Границы оккультизма: от герметизма до магии и экстрасенсорики / В. Питанов // LIBFOX. – URL: <https://www.libfox.ru/436773-vitaliy-pitanov-grani-okkultizma-ot-germetizma-do-magii-i-ekstrasensoriki.html> (дата обращения 17.04.2018).
28. Галь, Н. Слово живое и мертвое / Н. Галь. – М. : Время, 2007. – 592 с.